

— А, вот оно что! — сказал хозяин лавки и велел подать вниз фонарь. — Однако раз вы угадали загадку, оставьте, пожалуйста, две новые загадки с ответами, чтобы мы могли повесить новые фонари.

Он всё это время пристально смотрел на Вэнь Жуна — явно не верил его словам.

А вдруг это конкурент?

В наше время коллеги-конкуренты — заклятые враги!

Эти загадки для фонарей он заказывал специально у грамотных людей — сами они такого сочинить не смогли бы, разве что настоящий учёный муж.

Люди из аптеки не знали Вэнь Жуна.

Вэнь Жунь тоже понимал: раз он подряд разгадал сразу две загадки, у хозяина возникли подозрения. Пришлось Вэнь Жуну взять кисть и записать две загадки.

Ван Цзюэ заглянул через плечо и прочитал вслух:

— «Ударом по горе испугать тигра, величие растоптано в прах»?

Хозяин лавки опешил и посмотрел на Вэнь Жуна совсем иначе:

— Вы что имеете в виду?

Это же оскорбление без единого грубого слова!

— Это ответы, — спокойно сказал Вэнь Жунь, записал два решения и передал их хозяину.

Ван Цзюэ заглянул и тихо шепнул Ван Цзину:

— Ответ на «Ударом по горе испугать тигра» — «Цюйфэнсань» («Порошок, изгоняющий ветер»), а на «Величие растоптано в прах» — «Хулисань» («Порошок тигриной силы»).

— Оба — готовые лекарства, — кивнул Ван Цзинь. — Гораздо лучше, чем просто называть одно лекарственное средство.

Чэнь Сюй тоже одобрительно кивнул:

— Действительно, куда изящнее!

Хозяин аптеки тут же начал кланяться и благодарить:

— Благодарю за наставление! Искренне благодарю!

Вэнь Жунь протянул один из лotosовых фонарей Чэнь Сюю:

— Держи и ты. Это лotosовый фонарь из аптеки — пусть хранит вас здоровыми и крепкими.

— Спасибо, господин! — Чэнь Сюй не ожидал, что Вэнь Жунь возьмёт два фонаря и один из них подарит ему.

— Молодец.

Погоуляв по улице фонарей, Чэнь Сюй наконец осмелился спросить:

— Господин, можно заглянуть в Академию? Там, наверное, тоже есть фонари.

— Конечно, пойдёмте! — Вэнь Жунь взглянул на ребят. Трое юношей были в восторге — им очень хотелось посмотреть на Академию.

Академия!

Остальные тоже радовались: ведь Академия — место, куда им в жизни не попасть; без Вэнь Жуна, державшего звание цзюйжэня, они даже у ворот не стояли бы.

Ворота Академии были распахнуты. Прямо за ними открывалась большая площадь, где можно было оставить повозки, а в этот день она была увешана фонарями — причём самыми красивыми.

Кроме того, здесь раскинулись лотки с уличной едой. Только раз в году Академия открывала свои двери для всех: можно было любоваться фонарями, цветами, перекусить и отдохнуть.

Компания вошла на площадь Академии. Фонарей здесь было много, но загадки почти никто не разгадывал — слишком мало у народа было грамотности, чтобы понять смысл загадок.

Вэнь Жунь легко читал их. Ему особенно понравился красивый восьмигранный фонарь — не дворцового образца (иначе это могло бы считаться самовольным присвоением императорского стиля), но всё равно очень изящный. Это был самый красивый фонарь на площади.

На нём красовалась загадка, написанная в изысканной литературной манере: «Когда ханский правитель ходил среди войск, умер Яфу».

Без серьёзной литературной подготовки тут ничего не поймёшь! Подсказка к ответу: «Шесть иероглифов, угадайте термин, связанный с загадками».

Вэнь Жунь взял кисть и написал четыре иероглифа: «Цзэн сунь ли хэ» («Увеличение, уменьшение, разделение и соединение» — приём разгадывания иероглифических загадок).

— Угадали! — воскликнул юноша, охранявший фонарь. Он был живым и подвижным, его послали сторожить фонарь, но, увидев, что загадку разгадал Вэнь Жунь, он подпрыгнул от радости: — Никто в Академии эту загадку так и не решил!

— Хм, — Вэнь Жунь потянулся и снял фонарь. — Теперь он мой.

— Конечно! — воскликнул юноша. — По правилам вы должны оставить новую загадку, желательно очень сложную, чтобы никто не смог разгадать!

— Хорошо, — кивнул Вэнь Жунь.

Он взял кисть и написал: «Хотел навестить Мэнчана, но не удалось».

Ответ состоял из четырёх иероглифов: «Мянь бу чэн вэнь» («Лицо не складывается в текст» — игра слов: «Мэнчан» и «мянь» («лицо») звучат схоже).

Подумав немного, Вэнь Жунь написал ещё одну загадку: «Отведал Дукана, чаша наполовину пуста». Подсказка: «Отгадайте название цветка».

Ответ: «Дитан» («Жёлтая керрия» — название цветка, звучащее созвучно «ду кан» — «Дукан», древнее название вина).

— Держи обе, посмотрим, кто сумеет разгадать, — улыбнулся Вэнь Жунь. — Не говори учителям ответы, пусть сами попробуют!

— Отлично! Прекрасно! — Юноша подпрыгнул от радости.

Вэнь Жунь оставил загадки и, взяв восьмигранный фонарь, сказал:

— Пойдёмте, ещё немного погуляем.

Теперь у них в руках были фонари и купленные мелочи. Весело побродив по празднику, все

вернулись в гостиницу. Уставшие, они вымылись, попарили ноги, съели юаньсяо и легли спать.

На следующий день они снова беззаботно гуляли — Вэнь Жунь редко позволял себе два таких спокойных дня.

Но на семнадцатый день первого лунного месяца, когда Вэнь Жунь собирался ещё немного отдохнуть, его утащил брат Чжан в трактир «Хуншэн», где угостил всех ранним завтраком.

— Зачем так церемониться? — Вэнь Жунь был смущён чрезмерной любезностью брата Чжана.

Такое внимание было почти невыносимым!

Завтрак оказался очень разнообразным — даже были «лодочные пирожки» из озера Тайху, а также пельмени с крабовым мясом, лапша «Пяньэрчуань» и рыбный суп из озера Сиху.

— Да не из вежливости я, — объяснил брат Чжан, — а потому что приехал мой хозяин.

Он велел официанту отвести остальных в соседний кабинет, а самого Вэнь Жуня увёл в отдельную комнату.

— Вы, верно, господин Вэнь, цзюйжэнь? — В комнате сидел пожилой человек. Из-за проблем с ногами он передвигался в деревянном кресле-каталке, а на коленях у него лежало мягкое, тёплое и плотное одеяло. — Старик кланяется вам.

Он был одет роскошно, а борода и волосы — совершенно белые.

Вэнь Жунь знал о трактире «Хуншэн» лишь из воспоминаний прежнего владельца тела, но хоть и знал, так и не имел представления, кому именно принадлежит этот трактир и сколько лет он уже работает.

Он лишь помнил, что трактир, кажется, существует уже очень давно и славится умением лавировать среди влиятельных особ. Говорили, что у каждого нового уездного начальника жена, родственники или приближённые получали «сухие акции» в «Хуншэне».

Без всяких вложений — просто брали деньги. Это называлось дивидендами, а не взятками.

Такой вид «серого» дохода обычно служил своего рода «вступительным взносом» для нового уездного чиновника.

Иначе разве мог бы этот трактир спокойно работать столько лет?

— Господин Вэнь, — представил брата Чжан, — это и есть хозяин трактора «Хуншэн», господин Лу Бао.

— Хотя семья Лу не особенно известна в уезде, наш трактор «Хуншэн» уже много лет стоит на своём месте, — добавил он.

— Трактор «Хуншэн»... — задумался Вэнь Жунь. — А не родствен ли он трактору «Ляньшэн» в уездном городе? Раньше, когда мы были в уездном городе, останавливались как раз в «Ляньшэне», и тамошний хозяин, кажется, тоже был фамилии Лу.

— Да, — кивнул старик Лу Бао, поглаживая бороду, — «Ляньшэн» основал мой родной старший брат. Это семейное наследственное дело. Сейчас, должно быть, им управляет его старший сын, мой племянник. А мне, старику, с моими больными ногами, уже давно не доводилось видеть брата. Он тоже уже в почтенном возрасте, мы редко встречаемся. Да и дети наши росли порознь — чувства между нами... ну, вы понимаете... — он усмехнулся. — Ладно, не будем об этом.

— Да, давайте сначала перекусим, — вмешался брат Чжан и предложил Вэнь Жуню сесть за завтрак.

Вэнь Жунь уселся, съел два маленьких пирожка и пару сладостей, выпил полмиски бульона от лапши «Пяньэрчуань».

Тогда господин Лу Бао наконец заговорил:

— Слышал, на предстоящем годовом собрании вы рекомендовали именно наш трактор «Хуншэн»?

— Да, — кивнул Вэнь Жунь и отставил миску. — Просто подумал: во-первых, здесь работает брат Чжан, и управление на высоте; во-вторых, повара здесь готовят отлично; ну и главное — у вас сзади два двора, где можно спокойно собраться посреди шума, да ещё и с хорошим вином и изысканными блюдами.

— Верно, — старик Лу Бао бросил взгляд на Чжан Фугуя. — А какие у вас пожелания к самому собранию? Еда? Вино? Или, может, нужны танцовщицы, певицы?

— Ни в коем случае! — Вэнь Жунь невольно улыбнулся. — У нас ведь нет здесь девушек с выдающимися талантами в пении и танцах.

По сути, речь шла о чем-то вроде «девушек по вызову».

В те времена женщины, которые публично выступали с пением и танцами, почти никогда не были из благопристойных семей.

— От пения и танцев лучше отказаться, — сказал Вэнь Жунь. — Еду вы готовьте по своему усмотрению, а вот вино пусть будет получше. Возможно, нам понадобятся «четыре сокровища учёного» — бумага, кисть, тушь и чернильница.

— Всё это без проблем, — заверил его господин Лу Бао. — Есть ли ещё какие-то пожелания? У нас за трактиром два двора. Мы откроем для гостей самый большой — раньше там останавливались члены нашей семьи. Там есть сливы и вишни, небольшой садик. Хотя павильонов и башенок немного, зато есть искусственные горки, чайный домик и отдельная кухня. Блюда можно готовить прямо там и сразу подавать горячими.

Ведь некоторые кушанья, остыв, уже не так вкусны, как только что с плиты.

— Отлично, — Вэнь Жунь не возражал.

Если бы зависело от него, он бы предпочёл формат «шведского стола», но, увы, в это время подобные «пиратские застолья» ещё не вошли в моду.

Он полностью передал организацию мероприятия трактиру «Хуншэн».

После завтрака Вэнь Жунь простился и уехал со своей свитой.

В тот же день, в обед, управляющий из дома ректора У привёз в трактир двести лянов серебра — сказал, что это на расходы, оставил деньги и ушёл, даже не дав хозяевам отказаться.

Вэнь Жунь в гостинице решил лечь спать пораньше — ведь на следующий день снова предстояло гулять, а вечером — любоваться фонарями.

Отдохнув и набравшись сил, он к семнадцатому числу первого лунного месяца уже знал: сегодня фонари снимают. Все фонари либо убрали, либо сжигали, отправляя в небо.

В этом небольшом городке праздник, впрочем, не был особенно зрелищным. Говорили, что только в столице фестиваль фонарей по-настоящему великолепен.

А на следующее утро, восемнадцатого числа, Вэнь Жунь проснулся рано и принялся за сборы: принял горячую ванну, тщательно привёл в порядок волосы, переделался в новую прямую рубашку-чжичжуй, повесил на пояс множество мелочей, плотно позавтракал, сходил в уборную и, наконец, умылся — только после этого сел в карету.

Сегодня, как и в прошлый раз, он не взял с собой Чэнь Сюя.

Каретой правил только Чэн Лаосы.

Когда Вэнь Жунь вышел из кареты, он заметил: сегодня трактир был необычайно тих!

Главный слуга у входа сразу же подскочил к нему:

— Господин Вэнь! Прошу вас пройти внутрь. Всё уже готово, ждём только гостей!

— Хорошо, — Вэнь Жунь собрался войти, но вдруг почувствовал чей-то взгляд.

Оглянувшись, он увидел Вэнь Юаня и Вэнь Лана — они сидели как раз на том месте, которое ему было знакомо.

Там стоял небольшой лоток с лапшой. По воспоминаниям прежнего владельца тела, все, кто приезжал сюда, обычно ели именно у этого лотка. А повозки и скотину оставляли как раз в трактире брата Чжана — «Хуншэне». За два крупных монетки там давали сено и воду для животных. Люди могли спокойно идти по делам, а потом возвращались за телегой и скотом.

В те времена крупный скот в крестьянском хозяйстве ценился дороже самих людей — потерять его было страшно. Поэтому оставлять животных в ненадёжном месте никто не рисковал.

Вот почему Вэнь Жуню это место показалось таким знакомым: раньше он сам частенько ел здесь лапшу «янчуньянь» с солёным утиным яйцом — очень вкусно!

А теперь эти двое сидели прямо там... Только сегодня лоток с лапшой не работал: хозяина не было, лишь несколько квадратных столов и скамеек для уставших путников. Поесть здесь было нечего — разве что заглянуть в соседние открытые ларьки.

Впрочем, вокруг «Хуншэня» вообще не было других трактиров — только ювелирные лавки, магазины и чайные.

В древности торговля тоже подчинялась строгим правилам: заведения одного типа никогда не открывали рядом.

Обычно торговцы избегали ставить рядом одинаковые заведения — ведь это не только порождало конкуренцию, но и заставляло покупателей постоянно сравнивать. А купцы-то не глупые.

Вот разве что в прошлой жизни Вэнь Жуня, в современном мире, торговля была настолько развита, что заведения просто вынуждены были тесниться друг к другу — иначе просто не было бы места.

Теперь эти двое сидели там, а не заходили вместе с ним в трактир «Хуншэн» — значит, явно что-то не так.

Видимо, старший слуга тоже заметил, куда смотрит Вэнь Жунь, и, проследив за его взглядом, сам пояснил:

— На самом деле, на это годовое собрание очень многие хотели попасть. Но ректор У из Академии чётко распорядился: вход разрешён только тем, у кого есть приглашение. Наш хозяин и управляющий тоже приказали: посторонних не пускать! С самого утра я уже отогнал человек семь-восемь, кто пытался пролезть внутрь. Да что они себе думают? Неужели считают, что «Хуншэн» — место, куда каждый может зайти?! — Слуга гордо выпятил грудь и уперся кулаками в бока, демонстрируя преданность делу. — Наш хозяин даже два дня закрыл трактир, чтобы всё как следует подготовить! Теперь уж никаких срывов быть не должно!

Вэнь Жунь удивился:

— Закрыли трактир?

В те времена торговцы свято верили: «открытая дверь — к приходу удачи». Особенно в праздничные дни, когда заведения обычно кишат посетителями. А тут — целых два дня без гостей!

Неудивительно, что вчера, когда он приходил, в трактире, хоть и рано было, почти никого не оказалось.

— Конечно! Ради подготовки к собранию! — услужливо пояснил слуга. — Прошу вас пройти внутрь. Вам приглашение не нужно.

Хотя, если честно, самого Вэнь Жуня приглашения тоже не получал... Просто его лицо уже само по себе служило пропуском.

Он ещё раз взглянул на сидевших напротив Вэнь Юаня и Вэнь Лана — те смотрели с такой злобной завистью и обидой, что Вэнь Жунь лишь лёгкой усмешкой ответил:

— Хорошо, пойдём внутрь.

И он совершенно спокойно, с видом полного достоинства, вошёл в трактир.

Тот, кто привёз его, уехал на специальную стоянку для повозок. Там же было отведено место для отдыха слуг и сопровождающих: им тоже подавали еду и горячий суп. Вот в чём проявлялась забота трактира «Хуншэн»: он не только обслуживал самих участников собрания, но и щедро заботился об их прислуге. А те, кто не имел права войти — даже такие, как Вэнь Юань и Вэнь Лан, — оказывались в худшем положении, чем простой возница Чэн Лаосы.

Ведь Чэн Лаосы мог зайти в «Хуншэн», а они — нет, их открыто и без стеснения гнали прочь.

— Юань-гэ! — Вэнь Лан, на год младше Вэнь Юаня и всегда называвший его «старший брат», с ненавистью смотрел вслед уходящему Вэнь Жуню. Вскоре и спина Вэнь Жуня скрылась из виду.

Но выражение зависти, злобы и обиды на лице Вэнь Ланя не исчезло — напротив, оно стало ещё более искажённым.

<http://bllate.org/book/15642/1398085>